

жающим и защищающим интересы всего общества или, по крайней мере, его абсолютного большинства, т. е. правового, демократического государства;

в) насилие допустимо, если оно терпимо теми, по отношению к кому оно вынужденно применяется. В противном случае оно будет не легитимно, т. е. и не законно, и не признаваемо обществом.

Последнее предположение, на первый взгляд, может показаться парадоксальным, однако, видимо, именно таким образом может выглядеть логика соотношения толерантности, права и насилия, соответствующим образом проявляющаяся во всей гамме общественных отношений.

О. С. Гилязова
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В СВЕТЕ ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ РАВЕНСТВА И ИЕРАРХИИ

Проблема толерантности, столь актуальная в наше время, оказывается значимой в различных сферах: в этике, политике, культуре. Неудивительно, что именно данной проблеме уделяют так много внимания в последнее время.

Но возникает вопрос, насколько разрешима эта проблема, т. е. насколько вообще достижима толерантность, которую обычно определяют как конструктивную форму компромисса, умение найти оптимальный выход из ситуации, достичь взаимопримирения и взаимосогласия.

Толерантность (терпимость) подразумевает не просто разрешение конфликта «любой ценой», по принципу «плохой мир лучше хорошей войны», а только такое разрешение сколь угодно сложных конфликтных ситуаций, которое служит к вящему удовлетворению всех, именно всех, сторон, без пренебрежения интересами самой незначительной или подчиненной стороны. Это кажется недостижимым идеалом и, кроме нескольких исключений (чаще всего — на житейском уровне), таковым и является.

Потому-то толерантность, в отличие от другой формы компромисса — конформизма,— столь трудно определяема теоретически и столь недостижима практически. Конформизм не требует особых усилий, более того — быть конформистом — нередко самая удобная и выгодная тактика поведения, подразумевающая подчинение сильнейшему и оправдывающая это подчинение. Конформизм как сознательное приспособленчество оказывается выгодным не только и не столько высшему, сколько именно низшему, подчиненному, т. к. его позиция и освобождает от ответственности и не мешает, а способствует удовлетворению собственных интересов.

Как бы ни критиковали конформизм, выявляя его «морально-ущербную сущность», но следует признать, что именно на нем во многом держится вся социальная структура; посредством конформизма укрепляется существующая субординация и иерархия в обществе. В наше время конформизм даже более развит, чем в другие эпохи (хотя существовал всегда), иначе чем иным можно объяснить и оправдать наше подчинение «верхам», авторитет которых не обосновывается ни некоей «божественной волей», ни их интеллектуальным, нравственным или иным, ценимым нами, превосходством? Мы подчиняемся не потому, что так должно и хорошо, а потому, что так нам выгодно, по меньшей мере — просто безопасно.

Толерантность же является такого рода терпимостью, когда от сильнейшего требуется добровольное снисхождение к слабейшему и уважение к его интересам точно к своим, а от слабого — достаточно силы для отказа от в чем-то удобной позиции подчинения, для чего нужна немалая смелость.

Можно сказать, что если в ситуации конформизма и равные становятся разными, выстраивая отношения властвования — подчинения, т. е. по принципу иерархии, то в ситуации толерантности должно иметь место иное отношение, а именно: равенство, даже равноценность индивидов, стоящих на различных ступенях социальной иерархии, ради достижения взаимосогласия. Таким образом, отношения должны строиться на принципе равенства, создающего условия равноправия не только для равных, но и между изначально низшими и высшими.

Здесь, по-моему, следует подробнее остановиться на принципах равенства и иерархии (неравенства), на проблеме их соотношения, следствий и проявлений в реальной жизни.

В философии эти принципы выводят как продолжение идей тождества и различия, чья взаимоотноительность (различие невозможно проводить без наличия единого, тождественного основания; тождество также предполагает различие, хотя бы нумерическое,— в силу самого факта сопоставления, требующего различения) была давно открыта, но «диалектическая взаимообусловленность» составляющих этой «бинарной оппозиции» не спасала от вопросов, что первичнее — тождество или различие.

Соотносительность каких-либо понятий предрасполагает к оценочным характеристикам. От вопроса об онтологической первичности тождества или различия в метафизическом дискурсе остается только один шаг до предвзятых оценочных характеристик принципов равенства и иерархии в этико-политическом плане.

Встает вопрос, что лучше для политического устройства общества: равенство, имеющее своим основанием некое единство, доходящее до всеобщей унификации граждан в правах, перед законом, даже перед Богом... или же четкая иерархическая система, вводящая естественное и неустраняемое разнообразие общества в соответствующие границы? Второе, по мнению сторонников этой идеи, способствует как социальной стабильности, так и развитию уникальности каждого человека. Многообразие, неповторимость каждого отдельного индивида, закреплённая иерархизированным строением общества, подчеркивающего именно различие, несопоставимость, а не тождество как пустую унификацию,— есть гарант развития и процветания общества. Так считают К. Леонтьев, И. Ильин, которые во всеобщем торжестве идей социально-политического, культурного равенства, распространяющихся по Европе и России, видят не достижение давно лелеяемого философами Просвещения идеала, а провозвестие близкой гибели культуры, торжество царства серости, мещанства.

Но было бы крайне примитивным сводить принцип иерархии только к идее различия, а принцип равенства — к идее

тождества, как это обычно делали просветители и русские философы.

Принцип равенства допускает различие, более того — требует его, ибо зачем уравнивать то, что само по себе тождественно? Именно равноценность различного, в т. ч. и иерархизированного, эквивалентность разного, гармоничное согласование разных точек зрения, позиций... определяется нами как толерантность, в противоположность конформизму, устанавливающему отношение принципиального, иногда неоправданного неравенства не только между изначально разным, но и совершенно тождественным. Толерантность есть взаимосогласие с позиции взаиморавноценности, т. е. всех ради каждого; конформизм же — есть также согласие (не всегда взаимное) с позиции доминирующего в иерархии, т. е. согласие всех с принципиальным предпочтением одного, высшего.

В этой связи может показаться, что принцип равенства наиболее приемлем и является самым лучшим, тем более что он, как мы далее рассмотрим, далеко не всегда подразумевает бессмысленное уравнивание, унифицированное единство, стирание всех различий — как это было в идеале казарменного коммунизма. Столь упрощенное понимание принципа равенства было близко сердцу тех мыслителей, которые считали, что именно казарменным обществом проще управлять. Впрочем, и уравнительность интересна не только шариковым, а может являться основой действительной справедливости. Но подобное равенство не существует онтологически и не осуществимо практически. В лучшем случае оно просто мыслимо, а чаще всего осуществляется в частичном варианте: люди равны не во всем, а лишь в некоторых сторонах жизни. Тем не менее именно двадцатый век был богат проектами (и их тоталитарными воплощениями) достижения равенства как всеобщей унификации, усреднения. В западном обществе, избежавшем тоталитарных экспериментов, подобное «усредненное равенство», «всеобщее отождествление» проявилось в складывании массового общества. Естественно, что о какой-либо толерантности членов такого общества говорить не приходится, т. к. их усредненность не только не отвергает общественной иерархии, а, напротив, скорее ее

поддерживает, и тем эффективнее, чем более усиливается подобное «массовое равенство». Такое равенство — богатое поле именно для конформистского поведения, укрепляющего видимостью равенства действительность весьма жесткой иерархической системы.

Но есть иное проявление равенства, которое и может стать базой для развертывания настоящей толерантности. Равенство, не обманывающееся простотой и примитивностью «уравниловки», и известное столь же давно, как и «казарменное равенство». Это и есть равенство различного, равноценность высшего и низшего, — без чего немыслима сама толерантность. Ранее всего требование равноценности всего сущего, сколь различным оно ни является, было провозглашено религией: в христианстве — Иисусом Христом, еще ранее — в индийской философии чарваков, которые, как известно, старательно даже сметают с тропинки пыль, лишь бы случайно не задавить какую-нибудь букашку. Наиболее адекватно принцип нового равенства выражают слова Талмуда: «Кто сохранит одну жизнь — это все равно, как если бы он спас весь мир; кто уничтожит одну жизнь — это все равно, как если бы он уничтожил весь мир»¹.

В наше довольно безрелигиозное время религиозные установления кажутся не особенно авторитетными, хотя проблема взаимотерпимости ими была поднята (и даны пути разрешения) ранее, чем возник столь модный сейчас термин «толерантность» (в качестве именно термина, а не просто слова).

Примирить любые творения Бога перед Его лицом, объявить равноправным все сущее — от самой незначительной букашки до целого мира, — до такого уровня религиозной мысли не сумели подняться никакие самые либеральные современные течения, которые до сих пор и в проблеме толерантности при всей ее универсальности отдают приоритет только человеку.

Подхватив и развив христианскую идею «Человек есть образ и подобие Бога», фактически уравнивающую столь значительные несопоставимости — Бога и человека, западная индивидуалистическая мысль не смогла удержать

---

¹ Фромм Э. Искусство любить. Пер. с англ. М.: Педагогика, 1990. С. 29.

эту идею в истинной гармонии (толерантности), а снова перевернула ее, разведя Бога от человека в иерархической оппозиции, где человек, признавая Бога (если вообще признает) высшим, оказывается на вершине иерархии.

О какой особой терпимости можно говорить в современной цивилизации, если человеческая мысль просто не способна примириться с равноправием и равноценностью всего сущего на Земле (о большем масштабе нельзя и мечтать), а обязательно создает себе жупел, перед которым и преклоняется, по которому и отмеривает иерархию всех ценностей — от личностных до национальных? На Западе этим наивысочайшим идеалом и критерием всего и вся объявляется человек, притом по-особому понятый — как некая индивидуальность, оснащенная всеми достижениями европейского мира: политически и юридически подкованный индивид, в т. ч. превосходно воспитанный на идее толерантности. Жаль только, что толерантность перестает быть собой (терпимостью) там, где с нею не считаются,

Известно, что на Востоке (в мусульманском мире) главной ценностью, располагающейся на самой вершине ценностно-мировоззренческой (для верующих — онтологической) иерархии, является Бог. Также принято считать, что диалог (основа любой толерантности) этих двух миров оказывается затрудненным именно в силу различия основополагающих для менталитета, стоящих во главе ценностных иерархий, ценностей, которые трудно примирить. Примирить же, как я думаю, будет не только трудно, но и вообще невозможно, пока сохраняется иерархический подход к ценностям — основаниям менталитета разных миров, вообще до тех пор пока сохраняются оценочные, а значит, по определению, — иерархизированные и предвзятые суждения, сравнения между народами. Ни о какой толерантности не может быть и речи, пока существует иерархическое противопоставление и деление на высших и низших, лучших и худших, прогрессивных и реакционных, правоверных и неверных, фанатиков и терпимых, развитых и развивающихся... на подобной почве трудно столкнуться и обойтись без взаимных обид.

Впрочем, это не означает, что нужно вообще отказаться от принципа иерархии. Отказываться не нужно, хотя бы

потому, что невозможно. Если принцип равенства, в упрощенно-казарменном варианте или в религиозном, остается в основном все же недостижимым идеалом, то с реальными формами воплощения принципа иерархии во всех сферах практической жизни и общественного сознания поневоле приходится считаться. Как бы эти реальные формы, особенно в общественной сфере, нам ни были неприятны, не следует думать, что принцип иерархии — средоточие социального зла. Любой принцип социального устройства можно повернуть либо негативной, либо позитивной стороной.

Так, столь обличаемое принципиальное неравенство есть не только доминирование высшего над низшим, но в идеале (чаще осуществляемом все же на житейском уровне — в семье, в небольшой группе; реже — выше) обязательно включает в себя покровительство, ответственность, заботу высшего о низшем, а вернее, если обходиться без оценок — властвующего о подчиненном. Властные отношения при идеальном иерархическом устройстве общества являются не неким искусственным сооружением, а гармоничным, взаимопользительным сосуществованием естественно различного, способ уберечь и взлелеять различные индивидуальности. Чем не основа для толерантности? Но именно бережное отношение к неповторимому различию, к индивидуальности и в иерархическом обществе (а иным оно и не может быть) обличает равнозначность различного, что превращает принцип иерархии по видимости в принцип равенства по сути. Таким образом, в идеале два принципа смыкаются, сами становятся равнозначными и равновозможными для достижения толерантности.

Но в жизни господствуют не идеалы, и любые принципы оборачиваются не лучшей своей стороной. Иерархичность приобретает чудовищные формы: когда властвование не сопровождается покровительством и ответственностью, тогда принципу иерархии нет никакого оправдания. Люди, вынужденные без всякой ответственности власть имущих подчиняться им, естественно, начинают чувствовать себя униженными. При отсутствии каких-либо гарантий не всегда способно выручить и конформистское поведение, которое может только усугубить положение, освобождая власть

имущим поле для большего произвола. Толерантности здесь нет места: создавшаяся ситуация — плацдарм не взаимотерпимости, а взаимонедовольства, которое нередко, как показывает история, взрывается социальными потрясениями. Войнами, революциями, цель которых — изменить существующий порядок на новых принципах, чаще — на принципе равенства, который после опорочившего себя иерархического принципа устройства общества воспринимается как панацея от всех бед.

Но и принцип равенства, даже и не в казарменно-уровнительном варианте, нередко в реальном своем воплощении принимает такие ужасающие формы, которые немислимы для принципа иерархии даже в худших его проявлениях. Ведь воспринимая все сущее равноправным, мы имеем два возможных следствия: либо мы, как чарваки, относимся к жизни самых незаметных существ столь же бережно и трепетно, как к своей собственной и даже — как к существованию божества; либо следуем иному исходу, более удобному и простому, хотя и циничному, но освобождающему от чувства вины, лозунгом которого служат слова Пугачева из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина: «своя жизнь в копейку, чужая душа в полушку».

Так что принцип равноценности всего сущего, являясь высшим религиозным установлением и благодатнейшей основой толерантности, одновременно является и философией «отморозков», для которых все одинаково равноценны, вернее — бесценны в том смысле, что совершенно не имеют никакой цены, в т. ч. и они сами для себя самих.

Уравнивание своей жизни с жизнью остальных является толерантностью, воинским или религиозным подвигом, но одновременно может стать и становится ведущей опасностью для мира, тем более для мира, имеющего средства примирить все существующее в равном для всех не-бытии.

Даже в частном своем воплощении патологическое уравнивание в ничтожности (например, в мировоззрении «отморозков») чрезвычайно опасно, что же говорить, если оно станет основополагающим для всего общества (что, конечно, также будет толерантностью, но не к жизни и для жизни, а к смерти и ради смерти) или хотя бы для власть имущих, имеющих возможность на практике доказать,

что существование мира равносильно существованию какой-нибудь букашки, т. к. и то, и другое — легко раздавить.

И современная ситуация в мире делает бессмысленными прекраснодушные размышления о том, что на принципах толерантности станут строиться отношения между людьми, народами, цивилизациями. Толерантность как примирение действительно пронизывает многие взаимоотношения, но как уравнивание к нулю, а не к Абсолюту, примирение в смерти, а не в жизни и не для жизни. Камикадзе-террорист у-равно-ценивает свою жизнь с жизнью своих жертв, тем самым смертью своей уничтожая, приравнивает свой поступок к подвигу, где своей смертью — спасают. И не надо обладать могуществом Бога, чтобы уравнивать существование всего мира с существованием ничтожнейшего существа. Недаром считают счастьем, что Гитлер покончил с собой раньше, чем ему стал известен секрет атомной бомбы, иначе он не постеснялся бы использовать ее: ради уничтожения хоть всего мира он готов был бы пожертвовать и собою.

Так что взаимоуравнивающая, всепримирующая позиция оправдывает как мучеников и героев, «жизнь положивших за други своя», так и бандитов и террористов. И на самом деле от «слезинки замученного ребенка, превышающей цену общественного прогресса» (Ф. Достоевский), столь умиляющей гуманистов любого толка и направления, лишь один шаг до «морали отморожков». Никогда цивилизация не обойдется без «слез ребенка» — это слишком невозможное требование, зато всегда будут существовать люди, следующие «морали отморожков», ведь проще высшее свести к низшему, уравнивать их во всеобщем ничтожестве, но возвышение низшего до высшего, взаимоу-равноценивание их в Абсолюте — всегда останется недостижимым идеалом.

Потому толерантность, претендующая на взаимопримирение именно в Абсолюте, на уровне высших ценностей,— будет чаще всего оставаться лишь идеалом. Зато толерантность как достижение взаимосогласия на основе всеобщего оскотинивания, низменных ценностей и потребностей («естественных, а потому всеобщих») — уже наличная судьба нашей цивилизации. Но боже упаси от дальнейшего развития подобной толерантности!

Можно сделать вывод, что из какого принципа — равенства или неравенства (понятых шире, чем просто принципы социального устройства) ни исходили бы при рассуждении о толерантности, всегда должны помнить, что дело не столько в самих принципах, сколько в их реальных проявлениях и следствиях. В любом обществе, при любом строе мышления и менталитете есть своя основа для толерантности, но следует подумать — какого рода будет столь искомое нами взаимосогласие. Так ли уж оно необходимо? А не опаснее ли подобная толерантность, взаимосогласие, чем иное, пусть и конфликтное, расхождение в принципиальных вопросах? И попытки навязать по-своему понятую терпимость не оборачиваются ли иногда чем-то худшим, нежели отсутствие примирения и терпимости? Вообще возможна ли толерантность как способ разрешения всех конфликтов?

Уничтожение объектов и субъектов конфликта — чем не разрешение конфликта? Конфликт исчезает не только с исчезновением «яблока раздора», но и с исчезновением носителей раздора. Это цинический способ разрешения конфликтов, но, к сожалению, наиболее часто применяемый, нередко — единственный, а иногда — более эффективный, чем попытки разрешения на основе толерантности. Трудно представить, что от этого способа откажутся, даже сумев воспитать все человечество взаимотерпимым: в конце концов этот способ более нагляден и самое главное — более действен, чем попытки достичь взаимосогласования до крайности противоположных интересов, когда всем сторонам конфликта легче поступиться собственным существованием, нежели своими интересами. Не секрет ведь, что для иных их ценности и интересы намного важнее их собственной жизни, жизни их близких, не говоря уже о жизни их врагов. С такими диалог на основе толерантности не получится — они ставят перед дилеммой: либо полностью и безоговорочно признать их интересы, либо они уничтожат тех, кто не желает им подчиниться. Согласие, которое здесь может быть достигнуто, заключается только в том, что взаимоуничтожение — единственный путь к согласию; так соблюдается равноправие сторон, иначе остается лишь абсолютно безусловное подчинение интересам одной сто-

роны. Естественно, каждая сторона конфликта претендует на безусловное подавление остальных, так что у всех возникают закономерные вопросы: «По какому праву другая сторона претендует на значимость своих интересов и убеждений?»; «Чем мы их хуже?». Появляется превосходная причина для новых неразрешимых конфликтов, тем более что споры по поводу «кто лучше, а кто хуже» совершенно исключают саму возможность толерантности.

Поэтому прежде чем ставить проблему достижения толерантности, следует задаться вопросом: «Всегда ли толерантность вообще достижима?».

Этот и вышезаданные вопросы кажутся парадоксальными, и это хороший признак; будет хуже, если они станут более актуальными, чем сам вопрос о толерантности, рассуждения о котором в наше время кажутся мне равносильными рассуждениям о преимуществах мира во время войны, здоровья во время болезни, т. е. правильными, но, к сожалению, слишком риторически-бесполезными, т. к. тех, к кому они относятся, они не задевают. Для людей, которым не важна и их собственная жизнь, тем более не будет важным достижение толерантности. Это ничего не значило бы, если бы от тех, кто равнодушен не то что к толерантности, но и к собственной жизни, не зависела бы жизнь остальных.

Мои соображения насчет толерантности могут показаться пессимистическими и провокационными, но таковой становится любая мысль, доведенная до конца. Обольщение же, более того — самообольщение в вопросе о толерантности, — худший враг самой толерантности.

О. Б. Ионайтис
Екатеринбург

НЕСТЯЖАТЕЛИ И ИОСИФЛЯНЕ: ВОПРОС О МИРЕ, СВОБОДЕ И ПРАВЕ НАКАЗЫВАТЬ

Спор нестяжателей и иосифлян — тема известная для историка средневековой отечественной культуры и философской мысли. Партия Нила Сорского и партия Иосифа